

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СИМВОЛИКИ ВНУТРЕННЕГО УСТРОЙСТВА И УБРАНСТВА КРЕСТЬЯНСКОГО ДОМА

Крестьянский дом – особое явление народной культуры. Дом, будучи материальным объектом, служит защитой человеку от сил природы и олицетворяет его вещный мир. Вместе с тем он является объектом для изучения духовной жизни русского крестьянства. Изба представляет сложный культурный комплекс, слагающийся из жилых и хозяйственных помещений, выполняющих разного рода функции – жилые, хозяйственно-бытовые, эмоционально-эстетические, религиозно-обрядовые, символические. Жилище и хозяйственные постройки сохраняют древние традиции, восходящие к ранней исторической эпохе. Вместе с тем и в традиционной культуре происходят постоянные изменения, обновления, которые также становятся традициями.

В традиционном укладе жизни любая искусственно созданная вещь обладает утилитарными и символическими свойствами ("вещность" и "знаковость") [1, с. 8]. Крестьянский дом тем более является не только вещью, но и знаком. Изба удивительно точно повторяет словесные и живописные тексты, описывающие четырехчленные модели мира. Крестьянское жилище имеет четыре стены, четыре угла.

При строительстве дома первым существенным моментом являлось маркирование углов и границ между домом и остальным пространством. Пространству приписывалась символическая в его организации по принципу внутренний – внешний (дом – не дом) и постулировалось противоположение углы – середина (периферия – центр). Это противоположение лежит в основе семиотики пространства жилища и определяет характер его связи с окружающим пространством и основной принцип символической сегментации внутреннего пространства.

Передний угол и печной угол особенно были и остаются отмеченными в системе ритуально-мифологических представлений человека. Передний угол с божницей и столом считается чистой, парадной половиной избы, пространство около двери и печи – печной угол, середина избы – рабочее место.

Если не реально, то условно, передний, красный, угол через находящиеся здесь образа сориентирован на восток или юг и освещен более других углов [1, с. 149]. Все в доме было сориентировано по отношению к красному углу.

На образа в этом углу молились [1, с. 150]; в нем происходила трапеза и все отмеченные в религиозном и ритуальном плане события; к красному углу было обращено изголовье постелей [2, с. 67]; головой к иконам клали покойника (нижегор.) [7, с. 755]. В сборнике "Пословицы русского народа", собранные В.И. Далем, читаем: *Умирать – не лапти ковырять* (т.е. не мудроно): *лег под образа, да выпучил глаза, и дело с концом. Он уже под святыми лежит. И крест в руках* [4, с. 414, 416]. *Уж он под святыми леживал, а всё жив* (т.е. ожил) [4, с. 279]. "С домом сочетался культ христианский не только в ежедневных молитвах в доме или при выходе из дома, но и в объектах. Прежде всего культ сочетался с красным или передним углом. С ним связывалась вся жизнь крестьянина – рождение, свадьба и похороны" [16, с. 179].

Во время уборки урожая первый и последний сжатый сноп торжественно несли с поля в дом и устанавливали в красном углу [11, с. 32]. Сохранение первых и последних колосьев урожая, наделенных, по народным представлениям, магической силой, сулило благополучие семье, дому, всему хозяйству.

Устойчивое диагональное расположение красного угла и печного угла только подчеркивает их связь. Характерно, что некоторые обряды могли совершаться и у печи, и в красном углу (например, приобщение невесты к дому жениха в свадебном обряде и др.).

Пространство красного угла (за столом) имеет выраженный знаковый характер. Его ценность повышается по направлению к самому почетному месту – под образами. На этом месте

обычно сидит глава семейства, хозяин. Такая связь символической зоны со статусом человека отражена и в псковских говорах: *Тупэришний мой муш сидэл в бóльшым углу*. Стр. Вероятно, именно поэтому в приметах если трещит большой угол, то это предвещает смерть хозяину [4, с. 925]. Костромские крестьяне считали, что если мышь царапается в переднем углу дома, то значит, что кто-нибудь в этом доме умрет [12, с. 281]. Д.К. Зеленин отмечает также любопытную примету взаимоотношения частей жилого пространства со структурой семьи: "кузнечик забивается в заднюю стену дома – к смерти ребенка; в большой угол – к смерти хозяина или хозяйки" (новгор.) [6, с. 11].

В свадебном обряде сватанье невесты, выкуп ее у подружек и брата совершались в красном углу, из красного угла отчего дома ее увозили на венчание в церковь, привозили в дом жениха и вели тоже в красный угол [16, с. 32]. Жених обязан был выкупить место в красном углу рядом с невестой.

Категория "места" регламентировала распределение людей в пространстве, наделяла иерархическим смыслом [1, с. 151]. То обстоятельство, что жених и невеста занимали "почетное место", свидетельствует не только об иерархии ролей в ритуале, но может, вероятно, рассматриваться и как обрядовое нарушение обычного порядка рассаживания. Модель свадебного пространства остается той же, как и вне ритуала: жених в свадьбе является "главным", он и занимает "главное" место: жених сидит ближе к образам, а невеста ближе к дверям.

Псковская диалектная речь подтверждает, что молодые сидели в *большем углу: Мьладыи в бóльшым углу пьд акóшкьм*. Порх.

Не менее значимо пространство красного угла в похоронном обряде. Место каждого члена коллектива вокруг лавки, на которой лежит покойник (головой к иконам), было также строго фиксированным с аналогичной ценностной акцентировкой [1, с. 152]. Даже горшок, из которого обмывали покойника, закапывали в разных частях дома в зависимости от того, кем был покойник. Если умирал член семьи, социально низкий, то горшок обычно относили на рубеж поля. Но если умирал хозяин, то его клали "под верхний угол", чтобы не переводился домовый (владимирск.) [5, с. 191].

Актуальное для ритуала вообще противопоставление внутреннего внешнему (открытого – имеющему границы) реализуется в похоронах по отношению к красному углу в так называемом обычае прощания с землей. Для этого, как пишет Г.К. Завойко, люди, чувствуя приближение смерти, ходят в поле или просят родных "сводить их на поле с землей и с вольным светом проститься" (владимирск.) [5, с. 88]. После прощания они ложились на лавку в красном углу и умирали.

Во время похорон замечали, куда отклонится при выносе покойника пламя свечи, горевшей у него возле головы: "Пойдет в красный угол, то хорошо, а если оно пойдет в дверь, то скоро в том же доме будет ещё один покойник" (белор.) [9, с. 86].

Связь красного угла с комплексом представлений о смерти, предках проявлялась, в частности, в дни поминовения родителей. На сороковой день "ждут" покойника домой. В большом углу стелется чистая постель для гостя. Хозяева кланяются "порожнему месту" и говорят: *"Кушай-тко, родименькой"*. На стол при этом ставится лишний прибор (обонеж.) [8, с. 57-58]. Эта устойчивая связь похоронного комплекса с красным углом, может быть, являлась основой для лексической омонимии южнорусского названия *покутье* для обозначения красного угла и кладбища [1, с. 153].

Исследователи славянских древностей предполагают, что дом (или пространство около дома) могло быть древнейшим местом захоронения у славян, о чем свидетельствуют наименования: *красный угол, подполье, голбец* [3, с. 456], *подпечье, подпорожье*. Материал позднейших обрядов сохранил некоторые реликты погребения возле дома или под домом, но это касалось некрещеных детей и вещей умершего.

В пространстве дома прочная связь с миром умерших сохранилась для красного угла (*покути*), печи, подпола, стола.

Дом – мифически оцененное, "свое" пространство [13, с. 139]. Внутри дома пространство высшей ценности – *кут, покутье, красный угол*. Повсеместно распространенный обычай оставлять покойного до погребения в красном углу находит себе соответствие в названии

кладбища – *покутье*. Пространство кладбища представлено в обряде параллелью к пространству красного угла в доме: ср. обычай 40 дней после погребения ставить хлеб, воду, вешать полотенце в *покут*, т.е. на могилу.

Во внеобрядовое время предкам посвящали другие части жилища: печь, подпечье, порог.

В этнографических работах описание символики рассматривается как архаичное явление, на что указывают формы глаголов прошедшего времени, которые используются при описании обрядов, действий. Наше исследование современных псковских говоров по материалам ЛАРНГ, связанных с похоронным обрядом, выявило, что информанты осознают символическое значение *красного угла* и проводят в нем ритуальные обряды.

Данные народных говоров свидетельствуют, что в некоторых районах Псковской области обмывание усопшего производят только в углу, в котором находились иконы: *Святóй эгол, где мóют, эта в святóм угле, на скамéйки*. Н-Сок. *В святóм угле мóют*. Порх.

В других материалах, отмеченных в Порховском районе, этот угол называют также *красным*, но контекст, указывающий на проведение в этой функциональной зоне ритуального действия, не приводится.

Цитата может не содержать информации, подтверждающей, что в углу обмывают умершего, поэтому толкование собирателя является определяющим: *Кут – святóй эгал, где висят икóны, тудб кладэть пакóйника*. Нев.

После обмывания и "обряжения" покойного клали на лавку в *больший угол*: *Покóйника кладэть в бóльший угол. Снесъ свечэ в бóльший угол*. Пск.

О такой же функции переднего угла свидетельствует и цитата фольклорного характера, в которой используется выражение *самый большой угол(ок)*: *Я умрэ, меня постбвьте в сбмый бóльший уголóк*. Пск.

Помимо выявления универсальной символики противопоставленных друг другу функциональных зон (переднего и печного углов), задачей работы является анализ самих диалектных наименований этих зон.

В псковских говорах встречается несколько лексем и большое количество составных наименований для номинации переднего угла. Их можно подразделить на названия, в которых отражены его важные признаки, и нейтральные наименования: синонимические *кут 3, угол*, а также тавтологическое *кутний угол*: *Кэтный эгол – эта где икóна стаът*. Нев.

Раз Бох там стаать, то назывбють кут, а то – углы. Нев. В этой цитате информант четко противопоставляет лексические единицы *кут* и *угол*, которые часто являются тождественными синонимами в псковской диалектной речи. Вместе с тем слово *кут* воспринимается диалектоносителями как архаичное по отношению к лексической единице *угол*, а архаичное обычно ассоциируется с более высоким, духовно значимым. Здесь мы наблюдаем трансформацию значения по принципу сужения: лексема *угол* используется для номинации любого угла в избе, а *кут* – только для переднего, главного, угла, наполненного символикой.

Таким образом, данная функциональная зона получила свою номинацию по трем основаниям, находящим отражение в псковских народных говорах.

1) Наименования по высокому качеству места, почетности, важности (*больший угол, большой угол, красный угол, передний угол*): *Этъ бóльший эгъл или бóжский угóл*. Пск. *У меня в бóльшом угле на кивóде стоят икóны*. Печ. *Ф кбждъм дóми, ф крбсньм угле был киóт или бажньць*. Порх. *А икóнку фсягдб стбвьють ф пярний угóл*. Кар.

2) Наименования по наличию в переднем углу икон и образов (*божница 2* [10, II, с. 76], *киот 2* [10, XIV, с. 125], *образник; божественный угол, божий угол, иконный угол, правый угол, просвеченный угол, святой угол*: *Па-стараму этак угал бажсницъй нъзваицца*. Аш. *Этъ бóльший эгъл или бóжский угóл*. Пск. *Рбньше углы в ызбы назывбли по-рбзному: был икóнный эгол, обычно с прбвой стороны*. Гд. *Образньк ф прбвъм угле пьд ыкóньми*. Слан. *Икóны [стоят] – эта бажньца, шкбпик такóй в святóм угле*. Дн.

Контекст со словосочетанием *божественный угол* в источниках пока не обнаружен.

Наименование *правый* указывает не только на расположение функциональной зоны, потому что этот угол мог находиться и слева в крестьянской избе. В Словаре церковнославянского и русского языка отмечено значение 'праведный' (церк.) (2) [15, с. 421]. Возможно, в название вкладывается понятие праведности, которое проявляется в его сакральной функции.

Номинация угла словом *просвеченный* связана с его наилучшей освещенностью: *Икѡнка на лбвачке стаѣт, пѣрят ним [образом] ламбдачка, в бальшѡм углѣ, ф прасвѣчанном углѣ*. Порх.

3) Наименования по противоположности печному углу (*чистый угол*): *В избѣ был чѣстый эгъл, где малѣлись*. Печ.

Составное наименование *чистый угол* можно включить и в две предыдущие группы, поскольку прилагательное *чистый* помимо основного значения 'содержащийся в чистоте, прибранный, опрятный' (1//) [14, с. 1070] имеет значения: 'парадный, обставленный и убранный с большей тщательностью' (2), 'передний, главный' (2//) [14, с. 1071], 'свободный от скверны, негреховный, угодный божеству' (10) [14, с. 1079]. Таким образом, в названии *чистый угол* содержится контаминация двух значений – прямого, конкретного, и символического.

Все лексические единицы подразделяются также на слова, являющиеся прямыми наименованием функциональных зон, и на слова, имеющие это значение в составе своей семантической структуры как производное. Лексемы *божница 2* [10, II, с. 76], *киот 2* [10, XIV, с. 125], *образник* демонстрируют явление метонимии: названия полочки для икон стали использоваться для обозначения угла, в котором находились иконы. У лексических единиц *божница*, *киот* наблюдается сдвиг лексического значения, а у слова *образник* метонимия могла возникнуть и на основе словообразования, хотя не исключен и сдвиг в семантике. *Бажньца – эгал в ызбѣ, где навѣшэны икѡны*. Кр. *Бажньца – такоѣ угалѡк, тѣм стѣвицца икѡна, и назывѣют бажньца*. Вл. *Былу нѣс кивѡт: дѣлали угалѡк, бабѡф вѣшали*. Н-Рж. *Обрѣзник* – 'передний угол в избе, где висят иконы' (в картотеке ПОС цитата отсутствует).

Печной угол, направленный на северо-запад, осмыслялся как место темное, нечистое, там жил домовый, через печную трубу могла влететь в дом ведьма, попадал в виде огненного змея дьявол. Печной угол считался исключительно женским пространством в избе: здесь женщины готовили пищу, отдыхали после работы [16, с. 47]. Традиционно неподвижная обстановка вдоль всего удерживалась около печи в женском углу.

Пространство печного угла, связанное с семейным очагом, играло важную роль в свадебной обрядности. В старинных свадебных песнях печной угол осмыслялся как место, связанное с отцовским домом, семьей, счастьем. Выход невесты из печного угла в красный угол воспринимался как уход из дома, прощание с ним.

В псковской диалектной речи этот угол называют также: *кут, закуток, закутье, печной угол*: *Пѣцка ф кутѣ стаѣт. Тот эгал, где пѣцка, кут назывѣли*. Остр. *Кут – сбмѣй збдний угѡлѡк, мѣжду пѣчкѣй и стѣнкѣй*. Пыт. *Нѣша жизня тепѣря такѣя: поѣл и сидѣ в закѣтке, греѣ стѣрые кѡсти*. Пыт. *Што-та не согрѣцца, полѣзу в закѣтье*. Гд. *В избѣ бѡльший эгол, где икѡны, пасѣдний угѡл, где этварѣ рѣзняя, естѣ ешиѡ печной угѡл и кравѣтний угѡл*. Сер.

Таким образом, в избе было как бы два сакральных центра, расположенных по диагонали: центр христианский и центр языческий, в равной степени важные для крестьянской семьи.

Нами были рассмотрены не все аспекты данной темы, а лишь две зоны внутреннего пространства избы, противопоставленные друг другу функционально и символически. Почти каждый из предметов внутреннего убранства избы обладал не только утилитарной, но и символической функцией. Однако реалии, составляющие интерьер крестьянского дома, имели разную степень проявления семиотического статуса.

Литература

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
2. Богатырев П.Г. Верования великорусов Шенкурского уезда // Этнографическое обозрение. Вып. 3. М., 1918.
3. Голубинский И.В. Чтения в Обществе истории и древностей российских. Т.1. М., 1904.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
5. Завойко Г.К. Верования, обычаи и обряды великорусов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. Вып. 3-4. М., 1914.
6. Зеленин Д.К. Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии (По материалам из бумаг В.А.Воскресенского) // Живая старина. Вып. 1-2. СПб., 1905.
7. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Вып. 2. Пг., 1916.
8. Куликовский Г.К. Похоронные обряды Обонежского края // Этнографическое обозрение. Вып.1. М., 1890.
9. Мышко А.П. Этнография деревни Ревков Скидельской волости Гродненской губернии // Советская этнография. Вып. 5. М., 1941.
10. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-19. Л. (СПб.), 1967-2008.
11. Русская изба: иллюстрированная энциклопедия / Под ред. Д.А. Баранова, О.Г. Барановой, Е.Л. Мадлевской. СПб., 2004.
12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т.1: Костромская и Тверская губернии / Сост. И.И. Шангина. СПб., 2004.
13. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: АН СССР. Ин-т русского языка, 1950-1965.
15. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Т.2. СПб., 1847.
16. Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930.

Список сокращений

ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров (картотека материалов, собранных в Псковской области, хранится в ПГПУ).

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-19. Л. (СПб.), 1967-2008.

Обозначение районов Псковской области, указанных при цитатах, даны в соответствии с сокращениями, принятыми в ПОС.